

**МЕЖДУНАРОДНОЕ
И НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО:
ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ**

**Сборник научных статей
и учебно-методических материалов**

**Санкт-Петербург
2009**

Коллектив авторов

**Международное и национальное
право. Теория, история,
современность. Сборник
научных статей и учебно-
методических материалов**

«Астерион»

2009

УДК 341. 1/8
ББК 67.412

Коллектив авторов

Международное и национальное право. Теория, история, современность. Сборник научных статей и учебно-методических материалов / Коллектив авторов — «Астерион», 2009

В сборнике осуществляется теоретико-правовой и историко-правовой анализ проблем международного и национального права. Основной целью являлось обеспечение диалога российских исследователей и преподавателей, занимающихся различными направлениями юриспруденции. Особое внимание уделено методическим вопросам преподавания актуальных вопросов юридической науки и практики в высшей школе. Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов юридических ВУЗов, а также всех, кто интересуется вопросами теории и истории международного и национального права, а также современными проблемами юридической науки.

УДК 341. 1/8
ББК 67.412

© Коллектив авторов, 2009
© Астерион, 2009

Содержание

Раздел I	6
Н. С. Нижник, Н. С. Сидоренко	6
Ч. Н. Ахмедов	9
Л. В. Карнаушенко	13
Н. С. Сидоренко, Н. С. Нижник	16
Т. А. Долгополова	20
Н. С. Сидоренко	22
А. А. Котельников	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

**Международное и национальное право:
теория, история, современность.
Сборник научных статей и учебно-
методических материалов**

© Коллектив авторов, 2009

* * *

Раздел I

Современные проблемы историко-правовой науки

Н. С. Нижник, Н. С. Сидоренко

Легитимация органов государственной власти в условиях трансформации политико-правовой системы России в 1917 году (на материалах уральского региона)

Отход от экономического детерминизма в осмыслении исторических событий, имевший место на предыдущем этапе развития отечественной историографии, определяет повышенную значимость исследований в сфере взаимоотношений российского общества и государства. В развитии данного направления достигнуты определенные успехи, одновременно выдвинуты вопросы, обуславливающие необходимость дальнейших исследований¹. Определенный интерес представляет региональный аспект темы, позволяющий выявить закономерное и особенное в процессе общегосударственного развития. Одним из крупных административно-территориальных районов страны является Урал. В рассматриваемый период он не только шел в фарватере политики центральной власти, но имел собственное определенное лицо.

Первое полуофициальное сообщение о революции в Петрограде появилось на Урале 28 февраля 1917 г. Символично, что передано оно было по инициативе уральского депутата IV Государственной думы А. Бубликова по линии железнодорожной связи². Министерство путей сообщения обладало собственной телеграфной связью, неподконтрольной Министерству внутренних дел, которое препятствовало распространению информации о событиях в Петрограде. Председатель Государственной думы. В телеграмме говорилось, что Дума взяла в свои руки «оборудование новой власти», но умалчивалось о судьбе монархии, об образовании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (СРиСД). Лидеры думской оппозиции еще надеялись на установление конституционной монархии английского образца со сменой правившего монарха.

Сообщение о событиях февраля 1917 г. в Петрограде было по-разному воспринято в уральском обществе. По своей сути оно отражало ту грань взаимосвязи центра и провинции, которое начало складываться в условиях Первой мировой войны. Губернские власти полученное сообщение пытались скрыть от народа с тем, чтобы воспрепятствовать распространению революции. В Оренбургской губернии монархически настроенные начальник губернского жандармского управления (ГЖУ) полковник А. Г. Кашинцев, начальник гарнизона Оренбурга ген. Д. В. Погорецкий и начальник Оренбургско-Ташкентской железной дороги П. А. Мазуровский при содействии губернатора Т. В. Тюленева стали спешно готовить контрреволюционные силы. Вице-губернатор Пермской губернии Л. Троекуров сообщал председателю Совета Министров: «Мною все приготовлено для объявления во всеобщее сведение о вступлении на престол Великого князя Михаила Александровича. Делается распоряжение подчиняться во всем распоряжениям Вашего превосходительства. Вся работа правительственных и общественных учреждений идет, до сих пор не прерываясь, в полном единении и с готовностью трудиться во благо

---

¹ См.: Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. М., 1995; Лобачева Г. В. Монархическая идея в массовом сознании россиян (1881–1917 годы): Дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 1999; Поршнева О. С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 гг.). Екатеринбург, 2000; и др.

² Бубликов А. А. Русская революция: Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918 г. С. 21.

великой родины»³. Однако указаний действовать в данном направлении из центра не поступало. Пермский губернатор М. А. Лозина-Лозинский только после событий 3 марта заявил о факте падения монархии и призвал население к спокойствию и порядку, недопустимости предъявления незаконных требований власти не уполномоченными на то лицами, призывал граждан «словом убеждения остановить злое для родины дело»⁴.

В Вятской губернии после получения известий о «свержении старого правительства» на собрании представителей всех ведомств за переход на сторону нового правительства высказались все, кроме начальника губернского жандармского управления. Относительно спокойно были восприняты они и в обществе. Немалую роль в этом сыграла позиция Вятского епископа Никандра, заявившего себя сторонником нового режима и, в свою очередь, призвавшего духовенство примкнуть к новому правительству и разъяснять «важное значение совершившегося переворота»⁵. В Уфимской губернии спокойному принятию сообщения из центра также в определенной мере способствовала позиция епископа Андрея. Но даже он, известный своим либерализмом, полагал, что можно рассчитывать только на конституционную монархию. 1 марта 1917 г. он опубликовал послание пастве, в котором события в Петрограде представил как попытку «новых управителей» спасти страну от всяких бед⁶.

Весть о падении самодержавия быстро распространялась из уст в уста. В либерально настроенной части общества, представленной земскими кругами и городскими самоуправлениями, интеллигенцией, а также среди значительной части рабочих, шедших за леворадикальными партиями, царило приподнятое настроение. Улицы Екатеринбурга, Перми, Вятки, Уфы, Оренбурга и других городов и крупных заводских поселков уже 2 марта были заполнены народом. Революционные массы освобождали политических заключенных. К 5 марта все основные центры Урала выступили в поддержку революции. В телеграмме Екатеринбургского городского головы Обухова на имя Председателя Государственной думы говорилось, что ею «в объединении с другими общественными организациями принимаются все меры к поддержанию необходимого спокойствия и достойного осуществления мероприятий Государственной думы, направленных на благо и величие родины»⁷. Эйфория революционности захлестнула и армию. Все гарнизоны Урала перешли на сторону революции и стали одной из самых активных ее сил. Весной 1917 г. на Урале насчитывалось около 250 тыс. военнослужащих⁸. В отдаленных сельских поселках факт вооруженного восстания в Петербурге стал известен 7–10 марта и даже позднее⁹.

Анализ архивного материала свидетельствует о том, что в провинции были плохо осведомлены о событиях в центре. Причем это было характерно не только в отношении широких масс населения, но и представителей местной власти и органов самоуправления. Не имея точных данных о происходящем, они ждали указаний: ведь инициатива в такой ситуации чревата непредсказуемыми последствиями. «Прошу указаний», «покорнейше просим осведомлять провинцию о текущих событиях...» – эти фразы присутствовали практически в каждом обращении с места¹⁰.

Растерянность губернских властей и, как следствие, попустительство революционной стихии, неизбежно снижали их влияние в обществе. Отказ Временного правительства от преж-

---

³ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 1. Д. 126. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 153.

⁵ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 91. Л. 35.

⁶ Нечаев М. Г. Контрреволюционная деятельность Церкви в период подготовки и проведения Великой октябрьской социалистической революции и гражданской войны на Урале (1917–1919 гг.). Пермь, 1988. С. 47.

⁷ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 126. Л. 153.

⁸ Урал: век двадцатый. Люди. События. Жизнь. Очерки истории. Екатеринбург, 2000. С. 34.

⁹ История Урала в период капитализма. М., 1996. С. 368–369.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 126. Л. 1, 2.

ней системы управления и передача ее в руки земских учреждений еще более ослабили позиции центра и его аппарата в условиях двоевластия. «Прошу дать указания: оставаться ли на посту, или сдать полномочия. Прошу распоряжением сдать – то кому, т. к. не имение распоряжений Вашего сиятельства ставит меня в затруднительное положение», – обращался в Министерство внутренних дел губернатор Вятской губернии Н. А. Руднев 19 марта 1917 г.¹¹.

Растерянность в административных органах давала повод к активизации общества, его давления на власть. Так, в Пермской губернии вновь образованным органом власти – Комитетом общественной безопасности (КОБ) были подвергнуты аресту губернатор М. А. Лозина-Лозинский, вице-губернатор Л. Троекуров, начальник запасной бригады, неперменный член Белоусов, два жандармских офицера и ряд других представителей власти. КОБы при участии Советов рабочих депутатов (СРД) решали вопросы о выдвижении кандидатуры на пост губернского комиссара. Назначенные Временным правительством, вынуждены были снимать с себя полномочия, так как не пользовались популярностью. Не были приняты и кандидатуры, выдвинутые ими в качестве своих преемников. На эти должности в Пермской губернии были избраны тов. председателя Пермского КОБа А. Е. Ширяев (председатель Пермского областного ВПК), в Вятской губернии – П. И. Паньков (март), позднее кооператор, земский деятель эсер П. Т. Саламатов, его помощник – Н. В. Огнев, общественный деятель, депутат I Государственной думы, в Оренбургской губернии – эсер Н. В. Архангельский, в Уфимской – сочувствующий кадетам П. Ф. Коропачинский¹². Наблюдалась частая смена губернских комиссаров. Так, в июле 1917 г. в Пермской губернии фигурирует уже третье лицо на этом посту. Центральная власть не только не контролировала этот процесс, но и сама вносила определенные трудности. В июне 1917 г. в числе 15-ти офицеров и 20-ти солдат, призванных на военную службу, был пермский губернский комиссар Временного правительства прапорщик Турчевич. Сообщая об этом в Министерство внутренних дел его заместитель Оболенский, отмечал, что это «создаст сразу полную разруху управления губернии» и просил разрешения на созыв в ближайшее время губернского съезда по перевыборам нового комиссара и его помощников¹³.

На местах не знали, как соподчиняются между собой вновь возникшие органы и губернская администрация. Так, председатель пермской губернской земской управы Е. Д. Калугин вынужден был обращаться за разъяснением по этому вопросу в Министерство внутренних дел¹⁴. Уральские кадеты, опасаясь дальнейшего развития революционной стихии, отстаивали идею сохранения прежней системы местного самоуправления. На частном совещании гласных Екатеринбургской городской думы с представителями союза земств и городов 3 марта 1917 г. при обсуждении вопроса об организации новой власти лидер кадетского комитета Л. А. Кроль, известный как сторонник левого крыла партии, заявил, что он против устранения прежних властей: «Они должны служить новому правительству... до будущих выборов»¹⁵. Однако кадеты просчитались. Свержение самодержавной власти вовсе не означало автоматического перехода ее в руки думской оппозиции. Критика Думы, как и верховной власти, широко поставленная в устной и печатной либеральной и леворадикальной пропаганде, сыграла двойственную роль. Приняв факт отречения монарших особ от престола, и связав его с давлением снизу, общество посчитало возможным создание власти, идущей от него самого, отражающей его природу и потребности. Это вызвало активизацию общественно-политической жизни в крае, создание новых органов управления.

---

¹¹ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 91. Л. 3.

¹² Там же. Л. 12, 30, 65; Д. 126. Л. 10-206.

¹³ ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 126. Л. 73.

¹⁴ Там же. Л. 5.

¹⁵ Уральская жизнь. 1917. 7 марта.

Ч. Н. Ахмедов

Правоохранительная система Российской Империи: сущностные черты и особенности эволюции

Правоохранительная система государства как научная проблема в юридической литературе должного освещения не получила¹⁶. Чаще всего анализу подвергаются правоохранительная деятельность и правоохранительные органы без упоминания того, что и правоохранительная деятельность, и правоохранительные органы одного государства являются структурно-функциональными элементами правоохранительной системы этого государства¹⁷.

Понимание правоохранительной системы следует осуществлять с учетом дифференциации права на публичное и частное. Поскольку правоохранительная деятельность является не только гарантом права, но и легальным средством его ограничения, следует в структуре правоохранительной системы выделять две подсистемы: охраны публичного права и охраны частного права. При этом охрана частного права представленного субъективными законными интересами индивидуальных и коллективных лиц является специализированной функцией правового регулирования и реализуется негосударственными структурами, наделенными определенными полномочиями, делегированными государством.

Развитие правоохранительной функции государства носило эволюционный характер: появившись вместе с государством, правоохранительная функция на ранних этапах истории

---

¹⁶ Исследованиями, в которых авторы обращают внимание на понятие, структуру и специфику функционирования в современных условиях правоохранительной системы, являются: Теория права и государства: Учебник / Под ред. В. В. Лазарева. М., 1997. С. 225; Аврутин Ю. Е., Zubov И. Н. Органы внутренних дел в государственном механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспектив развития). СПб.: СПб университет МВД России, 1998. С. 11–16; Матвеев Т. Г. Организация деятельности негосударственной правоохранительной системы: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 1998.

¹⁷ См., например: Авдонкин В. С. Правоохранительные органы в схемах с комментариями: Учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Эксмо, 2006; Беленков Р. А. Правоохранительные органы (конспект лекций в схемах). М.: Приор-издат, 2004; Бобуа З. Б. Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник. Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 2002; Галузо В. Н. Система правоохранительных органов России. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2000; Григонис Э. П. Правоохранительные органы: Курс лекций. СПб.: Питер, 2001; // Гриненко А. В. Правоохранительные органы Российской Федерации: Краткий учебный курс. М.: Норма, 2005; Гуценко К. Ф. Правоохранительные органы: Хрестоматия. М.: Зерцало-М, 2001; Гуценко К. Ф., Ковалев М. А. Правоохранительные органы: Учебник. М.: Зерцало-М, 2005; Качалов В. И., Качалова О. В., Кукель К. В. Правоохранительные органы: Курс лекций. М.: Омега-Л, 2005; Коряковцев В. В. Правоохранительные органы: Краткий курс. СПб.: Питер, 2005; Лукичев Ю. А. Правоохранительные органы Российской Федерации: Курс лекций. СПб., 2003; Лукичев Ю. А., Вахмистрова С. И. Правоохранительные органы: Конспект лекций. М.: Изд. Михайлова В. А., 1999; Мионов А. Н., Павинский Н. М. Правоохранительные органы: Учебное пособие. М.: Форум, Инфра-М, 2005; Михайлов В. А. Правоохранительные органы: Учебное пособие. М., 2001; Мосиенко В. П. Правоохранительные органы России. Ростов-н/Д., 1998; Насонов С. А., Ничипоренко Т. Ю. Суд и правоохранительные органы: Практикум / Под ред. П. А. Лупинской. М.: Юрист, 2004; Поляков М. П. Правоохранительные органы Российской Федерации: Пособие для сдачи экзамена. М.: Юрайт-издат, 2005; Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник / Под ред. В. П. Божьева. М.: Юрайт-Издат, 2005; Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник / Под ред. В. П. Божьева. 4-е изд., испр. и доп. М.: Спарк, 2002; Правоохранительные органы: Учебник / Под ред. Н. А. Петухова, Т. Е. Загорского. М.: ИТК Дашков и К°, 2005; Правоохранительные органы: Учебник для вузов / Под ред. О. А. Галустяна. М.: ЮНИТИ, 2005; Правоохранительные органы: Учебник для студентов вузов / Под общ. ред. Н. А. Петухова, Г. И. Загорского. М., 2003; Правоохранительные органы: Учебное пособие / Под ред. А. М. Артемьева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004; Рыжаков А. П. Правоохранительные органы: Учебник. М.: Инфра-М, 2004; Савюк Л. К. Правоохранительные и судебные органы: Учебник. М.: Юрист, 2005; Смоленский М. Б. Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебное пособие. Ростов-на-Д.: Феникс, 2002; Тарасов А. Правоохранительная деятельность: ее понятие и сущность // Российский следователь. М., 2002. № 4. С. 34–38; Угольников И. В. Правоохранительные органы: Учебное пособие. М.: ПРИОР, 2005; Фокин В. М. Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник для студентов вузов. М.: Былина, 2002; Фокин В. М. Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник. М.: Былина, 2003; Черников В. В. Судебные, правоохранительные и контрольные органы России: Учебник. 2-е изд. М.: Проспект, 2002; Числов А. И., Орлов Б. М. Правоохранительные органы и правоохранительная деятельность: Учебно-методическое пособие. Издание 2-е, переработанное и дополненное М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2004; Чуфаровский Ю. В. Правоохранительные органы Российской Федерации: Учебник / Под ред. Б. С. Тетерина. М., 2002; и др.

не выделялась из общей охранительной функции; институты государства в тот период являлись, как правило, многофункциональными, и большинство из них в той или иной мере занимались правоохранительной деятельностью; правоохранительные органы как обособленные государственные структуры, наделенные специальной компетенцией в сфере правоохраны, отсутствовали. С развитием государства и усложнением механизма управления обществом правоохранительная функция выделилась из общей охранительной функции государства и обусловила появление специализированных государственных органов наделенных властной компетенцией в сфере правоохранительной деятельности.

В рамках функционального подхода охрана права может рассматриваться: 1) как самостоятельная функция государства, реализуемая в системе разделения властей различными институтами, в различных формах и с помощью специфических средств; 2) как функция государства, включенная в его экономические, политические и социальные функции; 3) как функция государства, интегрированная в систему более высокого уровня – в систему обеспечения национальной и международной безопасности.

Формой реализации охранительной функции права и правоохранительной функции государства выступает правоохранительная система, складывающаяся из функциональных и институциональных компонентов (охранительные нормы, правоохранительные институты, цели, субъекты и объекты правоохраны), каждый из которых детерминирует юридическое содержание и структуру охранительных правоотношений.

Направленность функционирования правоохранительной системы задается двумя векторами: 1) охраны публичного права, предполагающего приоритет интересов государства и общества по отношению к частным интересам индивидов и корпораций; 2) охраны частного права, базирующегося на признании прав и свобод человека и гражданина основной ценностью государства и общества. Соответственно, структура правоохранительной системы государства включает в себя две функциональные подсистемы: охраны публичного права и охраны частного права. Названные подсистемы в процессе совершенствования государственного механизма получают нормативное закрепление и организационное оформление. Также определяются предметы ведения и полномочия, в комплексе образующие их компетенцию в правоохранительной сфере.

В процессе становления и развития правоохранительной системы Российской империи целесообразно выделять следующие периоды:

1) период функционального обособления и организационного оформления правоохранительной системы (начало XVIII в. – 1802 г.): происходит выделение правоохранительной функции из общей охранительной функции государства; институционализация правоохранительной деятельности; установление непосредственного контроля главы государства за деятельностью правоохранительных органов; нормативно-правовое закрепление компетенции государственных органов различного уровня, принимающих участие в реализации правоохранительной функции государства;

2) период законодательного закрепления и конкретизации компетенции государственных органов, образующих правоохранительную систему (1802–1864 гг.): формируется новая система государственного управления, в рамках которой получают законодательное закрепление с последующей конкретизацией положения, определяющие компетенцию государственных органов, в комплексе образующих правоохранительную систему Российской империи;

3) реформационный период (1864–1880-е годы): предпринимается попытка «приведения» правоохранительной системы Российской империи в соответствие с принципами охраны права в условиях буржуазных западных демократий. При этом наряду с государственными органами охраны публичного права в качестве субъектов правоохраны начинают рассматриваться негосударственные структуры (суд присяжных, мировые суды, адвокатура);

4) период структурно-функциональной реорганизации правоохранительной системы в условиях политики контрреформ и активизации революционного движения (1880 г. – февраль 1917 г.): фактическая неготовность власти и подданных Российской империи к качественному реформированию правоохранительной системы обусловила смену периода «незаработавших реформ» контрреформой. Контрреформа, уничтожив прогрессивные демократические начинания, вместе с тем, не смогла обеспечить возврат к патриархальному обществу дореформенного типа. В условиях возрастающей активности оппозиционных партий и антигосударственных настроений в широких общественных массах, правоохранительная система Российской империи продемонстрировала низкую эффективность и в итоге оказалась не способной предотвратить кризис государственности, вызвавший Февральскую и Октябрьскую революции.

Территориальное устройство Российской империи имело существенное влияние на структурирование правоохранительной системы и ее кадровое обеспечение. Наличие в составе Империи государственных образований с «ограниченным суверенитетом» (Польша, Финляндия и т. п.) предопределяло необходимость сочетания политических и национальных принципов формирования и функционирования правоохранительных структур. В конце XIX – начале XX в. имперская политика была направлена на неуклонное сокращение самостоятельности национальных автономий и, как следствие, на централизацию управления правоохранительной деятельностью. Такая тенденция на практике зачастую приводила к конфликтам между имперской и региональными бюрократиями и в целом оказывала негативное влияние на эффективность правоохранительной деятельности на местах.

Анализ субъектного состава правоохранительной системы Российской империи позволяет провести функциональную дифференциацию между органами, наделенными специальной компетенцией в сфере охраны публичного и защиты частного права.

К органам исключительной правоохранительной компетенции в сфере публично-правового регулирования следует отнести полицию (общую и политическую) и прокуратуру.

К органам факультативной правоохранительной компетенции в сфере публично-правового регулирования относятся фискальные (таможенные и налоговые) и пограничные структуры, а также иные государственные органы, наделенные контрольными функциями в различных сферах общественной жизнедеятельности и реализующих эти функции, в том числе при помощи административного (полицейского) принуждения.

К органам, наделенным компетенцией в сфере защиты частного права, следует отнести адвокатуру, негосударственные структуры, разрешающие споры о праве (третейские и мировые суды), а также службы и подразделения социальной защиты населения.

Особое место в правоохранительной системе занимают государственные органы правосудия. В условиях состязательной системы суд не может быть отнесен ни к органам охраны публичного права, ни к органам, осуществляющим защиту частного права. Суд выступает арбитром в спорах о праве и конфликтах связанных с правонарушениями. В подобном качестве суд, являясь органом государства и действуя на основании государственного законодательства, вместе с тем, призван занимать независимую позицию и принимать решение не на основе государственного веления, а на основе общеправовых принципов.

Функциональное назначение правоохранительной системы государства на любом этапе его исторического развития находит отражение прежде всего в способности государства эффективно использовать совокупность государственно-правовых средств, методов и гарантий в интересах обеспечения юридической защищенности субъектов права от противоправных нарушений, от произвола и беззакония со стороны государственного аппарата; в предоставлении участникам охранительных правоотношений реальных возможностей для активных действий, связанных с защитой субъективных прав и законных интересов.

Воплощение новых идей, в частности идей правовой государственности в современной России, в практику государственно-правового строительства неизбежно должно быть связано с обновлением структурно-функциональных элементов правоохранительной системы.

Л. В. Карнаушенко

Правительственный конституционализм начала XIX в. и государственная уставная грамота Российской Империи

В статусе победителя Наполеона и вершителя судеб отдельных народов Александр I, осуществляя конституционные намерения на российских окраинах и в иных государствах, не терял надежды на преобразования государственно-правовой жизни Российской империи. Выступая с речью при открытии польского сейма, Александр I многозначительно указал на близость введения конституционных учреждений в России¹⁸, хотя петербургская печать о том умолчала¹⁹.

Разработка вопросов о новых конституционных учреждениях в России была связана с подготовкой проекта русской конституции, поручение о которой Александр I дал своему другу юности, императорскому комиссару в Варшаве Н. Н. Новосильцеву. Высочайшая воля исполнялась в условиях строжайшей тайны. О готовящемся проекте не знал даже родной брат царя, наместник в Польше великий князь Константин Павлович. К себе в помощь Новосильцев пригласил французского юриста и публициста П. И. Дешана. Написанный по-французски проект перевел на русский язык князь П. А. Вяземский. Первый вариант проекта под названием «Краткое изложение основ конституционной хартии Российской империи» поступил на рассмотрение Александру I в 1819 г. и получил его одобрение.

Содержащиеся в нем конституционные идеи оказались во многом близки мыслям М. М. Сперанского и представителям европейской государственно-правовой мысли.

К осени 1820 г. окончательный текст Государственной уставной грамоты Российской империи²⁰ был готов. С юридической точки зрения Грамота во многом представляла собой совершенный документ: ему были характерны законченность, логичность, детальность разработок, грамотный язык изложения. Грамота наделяла императора огромными полномочиями. «Государственная власть неразделима: она сосредоточена в лице монарха», – гласила ст. 12. Исполнительная власть возлагалась на Государственный совет (Комитет министров). Была воспринята идея народного представительства. В ст. 91 провозглашалось: «Да будет российский народ отныне и навсегда иметь народное представительство». Органом такого представительства был назван Государственный сейм (Государственная дума). Он состоял из императора и двух палат: верхней – Сената и нижней – Посольской палаты. В соответствии с ст. 13 Сейм лишь «содействует» государю в государственной власти. Провозглашалось отделение судебной власти от административной. Определялось, что Верховный государственный суд функционирует в составе председателя, сенаторов и других лиц, которые назначаются царем. Мыслилось, что данный орган должен рассматривать государственные преступления и противозаконные поступки высших чиновников. Судьи должны были назначаться императором по правилам об испытании, а выборные – в соответствии с особым постановлением. Территория страны делилась на наместничества, в которые входили по несколько губерний. Возглавляли наместничество наместник и Совет наместничества. Устанавливался ряд прав и свобод подданных Российской империи.

---

¹⁸ Богданович М. И. История царствования Александра I. Т. 5. СПб., 1870. С. 371–375.

¹⁹ Гоголевский А. В. Русский либеральный конституционализм // Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии: Сборник документов / Авт. – сост. А. В. Гоголевский, Б. Н. Ковалев. М., 2000. С. 13.

²⁰ См.: Государственная уставная грамота Российской империи. Варшава, 1831.

Однако Государственная уставная грамота так и не была «дарована» народу России в качестве конституции. Историки чаще всего связывают причину этого со смертью Александра I.

В отечественной историографии дана общая оценка данного документа. Отмечается, что Государственная уставная грамота Российской империи – это определенная веха в истории российского правительственного конституционализма. Она свидетельствует о достаточно высоком уровне русской политико-юридической мысли первой четверти XIX в. Вместе с тем Государственная уставная грамота оставляла в неприкосновенности prerogative самодержавия. Поэтому такие принципы, как народное представительство, ответственность исполнительной власти перед законодательной, разделение властей, федерация и т. п., находились в неприемлемом противоречии с сильной централизованной властью в лице императора и состоявших при нем бюрократических учреждений, а главное – сохранялось крепостное право, абсолютно не совместимое с прокламируемыми свободами²¹.

Действительно, Конституция Н. Н. Новосильцева оказалась более сословной, продворянской, просамодержавной, чем проект Сперанского²². Она защищала prerogative сильной самодержавной власти в ущерб принципам демократии, что сказалось на порядке формирования представительных учреждений, мере их контроля над исполнительной властью, правах сословий. Тем не менее проект Н. Н. Новосильцева вполне достойно представляет русский конституционализм. В нем хорошо учтены такие особенности России, как отсутствие массовой политической культуры, сильная централизованная государственная власть, пестрый этнический состав населения. Впервые в истории отечественного конституционализма этот проект поставил проблему федеративного устройства государства, в том числе и по этническому признаку.

Получив в свое распоряжение довольно умеренный вариант конституции, Александр I не только не принял мер для его осуществления, но и не ознакомил правительственные круги ни с ним, ни с подготовленными в 1820 г. двумя манифестами, которые должны были быть объявлены в момент провозглашения Государственной уставной грамоты (о введении ее в действие, в котором основное внимание уделялось доказательству того, что это является не введением новых порядков, а совершенствованием существующих, и о уничтожении польской Конституции 1815 г. и превращении Царства Польского в наместничество Российской империи²³). Общественность также оставалась в неведении²⁴. Сведения о конституции Новосильцева просочились в зарубежную печать лишь во время польского восстания 1830 г.²⁵ Вос-

---

²¹ См.: Скрипилев Е. А. Государственная уставная грамота Российской империи // Советское государство и право. 1980. № 7. С. 108.

²² Гоголевский А. В. Русский либеральный конституционализм. С. 13.

²³ Аскенази Ш. Царство Польское. 1815–1830. М., 1915. С. 61–68.

²⁴ Правда, исследователи именно с намеченными Государственной уставной грамотой преобразованиями административно-территориального деления связывают деятельность генерал-губернатора А. Д. Балашова. – См.: Балашов А. Д. Начальные основания для приспособления управления губернского в Рязани к общему ходу дел ныне вводимому // Материалы, собранные для высочайше утвержденной комиссии о преобразовании губернских и уездных учреждений. Отд. адм. Ч. I. СПб., 1870; Акульшин П. В. Балашёв Александр Дмитриевич // Отечественная история: Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. С. 151–152.

²⁵ Гоголевский А. В. Русский либеральный конституционализм. С. 13. // Хотя в отечественной историографии высказываются предположения о том, что ряд положений Государственной уставной грамоты нашёл отражение в проекте Конституции Н. М. Муравьёва; что продолжением работы над Государственной уставной грамотой был «Органический регламент», который исследователи рассматривают или как третью редакцию документа (А. В. Предтеченский), или как часть комплекса подзаконных актов, направленных на конкретизацию положений Грамоты (С. В. Мироненко). – См.: Государственная уставная грамота Российской империи. Берлин, 1903; Вернадский Г. В. Государственная уставная грамота Российской империи 1820 г.: Историко-юридический очерк. Прага, 1925; Предтеченский А. В. Очерки общественно-политической истории России первой четверти XIX в. М.; Л., 1957; Парусов А. И. Государственная уставная грамота 1820 г. // Ученые записки Горьковского университета. 1964. Вып. 7; Скрипилев Е. А. Государственная уставная грамота Российской империи // Советское государство и право. 1980. № 7; Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982; Мироненко С. В. Самодержавие и реформы. М., 1989.

ставшие поляки обнаружили проект в бумагах Новосильцева в Варшаве и отпечатали его тиражом в 2 тыс. экземпляров²⁶. Из них 1578 экземпляров после подавления восстания наместник Польши И. Ф. Паскевич доставил Николаю I. По распоряжению последнего они были сожжены на территории московского Кремля²⁷. Отдавая распоряжение сжечь проект конституции, Николай I сказал: «На 100 человек наших молодых офицеров 90 прочтут, не поймут или презреют, но 10 оставят в памяти, обсудят и, главное, не забудут. Это пуще всего меня беспокоит».

Правительственный конституционализм начала XIX в. состоял преимущественно из проектов, следуя которым Россия могла продвинуться от самодержавия к правовому государству. Вместе с тем важным событием, на практике приближавшей конституционализм, стало учреждение Государственного совета. Отсутствие социальных предпосылок для конституционализма в виде развитого гражданского общества, с одной стороны, и наличие серьезных препятствий для него в виде традиционного сословного общества и системы служилого государства – с другой, находили свой отпечаток на истории российского конституционализма и на реализации конституционных намерений лиц, обладающих реальной властью в государстве.

---

²⁶ В соответствии с изданным в 1831 г. документом текст Государственной уставной грамоты Российской империи опубликовал в 1837 г. английский публицист Р. Уркварт, а позднее в «Историческом сборнике Вольной русской типографии» (Лондон, 1861. Кн. 2) – А. И. Герцен.

²⁷ См.: Kutrzeba S. Historia ustroju Polski w zarysie. T. 3. Cz. 1. Warszawa, 1920.

Н. С. Сидоренко, Н. С. Нижник

Правовой статус депутатов государственной думы Российской Империи: законодательное закрепление и проблемы реализации представителями Урала

Созыв Государственной думы в России (1906–1917 гг.) стал шагом по пути демократизации политического режима, приобщения к опыту и практике конституционного устройства передовых европейских государств. Вследствие создания представительных учреждений возникла проблема регламентации правового статуса депутатов Государственной думы и выборных членов Государственного совета.

Выработка российского законодательства основывалась на использовании накопленного европейского опыта и приспособления его к специфическим условиям страны. Немаловажное значение имела расстановка политических сил. В либеральных кругах было заметно тяготение к английской модели, получившей к началу XX в. распространение и в странах континентальной Европы. Она гарантировала членам представительного учреждения повышенную неприкосновенность – парламентский иммунитет. Возбуждение против них судебного преследования возможно было только с согласия той палаты парламента, членами которой они являлись. Она предполагала особую свободу слова в стенах парламента, а также устанавливала для предвыборных собраний большую свободу, чем для обыкновенных. Конституционным правом такой статус определялся как привилегия. В процессе переговоров о создании представительного учреждения в России преобладающей стала умеренная линия, которая пыталась соединить нововведения с российскими традициями.

По Учреждению 1906 г., членам Думы предоставлялась полная свобода слова по обсуждаемым делам. Кроме того, они не могли подвергаться административному преследованию или личному аресту за долги. Для ареста члена Думы во время сессии требовалось согласие Думы, кроме задержания на месте преступления или на следующий день после него. Правило о следующем дне получило ряд разъяснений, из которых следовало, что согласия Думы на арест не требовалось для ареста ее члена во время думских каникул, а также в случае совершения депутатами преступлений при исполнении или по поводу исполнения обязанностей, лежащих на них по званию. В этом случае жалобу подавали императору, который мог ее или отклонить, или передать на рассмотрение первого департамента Государственного совета. Департамент с согласия императора мог или прекратить дело, или передать его Верховному уголовному суду. Эта специфика являлась следствием применением к членам Государственной думы традиционного для России принципа административного права, согласно которому чиновника можно предать суду лишь с согласия его начальства. Концепция «преступления по должности» народного представителя относится к числу уникальных черт реформированного русского конституционного права. Она не имела места в других дуалистических монархиях Европы – Австрии, Германии и Пруссии. Как замечает по этому поводу И. А. Кравец, в этом сказалось отсутствие в России традиции института представительства в публично-правовом смысле. Заметим также, что объективную обусловленность этой модели. Право свободы слова толковалось двояко. В либеральной литературе – расширительно, как полное право на свободу высказываний без ответственности по закону. В умеренных кругах – ограничительно, как высказывание независимого мнения, что не означало освобождения от ответственности за нарушения закона. Принятое законодательство исходило именно из данного понимания свободы слова, разрешая свободу критики, но не свободу брани и оскорблений или призыва к преступным

деяниям²⁸. Это было вполне обоснованно, так как рождение парламентаризма в России пришлось на период революции 1905–1907 годов. Сдерживающее начало нашло отражение в правоприменительной практике, как центральной, так и местной. Так, Вятская духовная консистория в 1907 г. привлекла к ответственности священников-депутатов Государственной думы за их деятельность в палате. За отказ осудить революционный террор депутат II Думы Ф. Тихвинский был лишен сана священника. Понесли уголовную и административную ответственность участники «Выборгского воззвания» в ответ на роспуск I Думы. Среди уральских депутатов-выборщиков было немало арестованных и высланных за пределы губерний, отстраненных от занимаемых должностей²⁹. В 1913–1915 гг. Верховный уголовный суд рассматривал обвинение члена III Думы И. Покровского (Оренбургская губ.) в клевете. В связи с началом войны дело не было закончено и депутат не понес никакого наказания. На ограничение права въезда в губернии Урала ссылались депутаты-кадеты как на одну из причин их недостаточной связи с массами в период работы III и IV дум³⁰.

Неоднозначно трактовался в общественно-политической мысли России начала XX в. депутатский мандат. Со временем закрепились доктрина национального представительства, по которой депутат представляет не избирателей своего округа, а нацию в целом. Российская модель не предполагала направление членам Думы наказов избирателей и отзыва своих представителей. Более того, члены Государственной думы перед началом ее работы присягали на верность императору помнить лишь о благе и пользе России. На практике депутаты, особенно из числа оппозиционных фракций принимали наказания избирателей и старались выполнять их, рассматривая себя в качестве выразителей их нужд. Это было не столько отступлением от нормы, сколько следствием развития демократии, социальной дифференциации общества. В этой связи предвыборные обещания депутатов стали рассматриваться как их обязательства перед избирателями, этической нормой³¹.

Уральские депутаты-трудовики использовали наказания, шедшие с мест в целях оправдания радикальных требований решения аграрного вопроса. Так, только во II Думе от Оренбургской, Пермской и Уфимской губерний они получили 26 наказов крестьян в поддержку требования конфискации помещичьей земли³². На письма с мест ссылались уральские депутаты-трудовики, отстаивая идею эволюционного развития общины, выступая против ее искусственного разрушения³³. Письма, наказания, приговоры активно использовали в своей практике и уральские депутаты-кадеты. Опираясь на них, депутаты пытались реализовать тактику наступления на правительство, не останавливаясь перед возможностью открытого разрыва с ним. В телеграмме, принятой на сходе в Нейво-Рудянском заводе кадеты провели требование в поддержку резолюции своей фракции «об отставке нынешнего министерства... идущего по реакционному пути, не получившего доверия и симпатии страны...»³⁴.

Одним из элементов правового статуса народного представителя выступал депутатский индемнитет. Русские конституционалисты рассматривали его как необходимое условие демократизации состава парламента. Первоначально депутаты получали суточное вознаграждение, с 1908 г. депутатам было установлено денежное вознаграждение в 4200 руб. в год в течение

---

²⁸ Покровский П. Свобода слова в российских законодательных учреждениях // Русское богатство. 1912. Кн. 11. С. 244.

²⁹ См. Нарский И. В. Кадеты на Урале (1905–1907 гг.). Свердловск, 1991. С. 97.

³⁰ См. Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 272–273.

³¹ Кравец И. А. Правовой статус «народных представителей» в думский период российской истории (1906 – февраль 1917 г.) // Правоведение. 2001. № 1. С. 201.

³² См. Анохина З. Н. Борьба большевиков Урала за осуществление ленинской думской тактики в годы Первой революции в России: Дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 1983. С. 177.

³³ См. Сидоренко Н. С. С мечтой о великой России: уральские либералы и консерваторы в Государственной думе (1906–1917 гг.). М., 2005. С. 101.

³⁴ Уральский край. 1906. 16, 19 мая.

всего срока их мандата³⁵. Таким образом, депутатский индемнитет создавал реальную возможность для демократического состава представительного учреждения, являлся экономической гарантией осуществления представительских полномочий депутатами.

Одновременно закон установил штрафы за прогул заседаний – 25 руб. за одно пропущенное заседание, но не выше 350 руб. в месяц. На практике установление штрафа не достигало цели. Содержание депутатов составляло самую значительную часть расходов Думы (в 1911 г. – 1,9 млн руб из 2,7 млн)³⁶.

Дисциплина уральских депутатов была аналогична поведению депутатов Думы в целом. Наибольшее количество пропусков ее заседаний пришлось на работу IV Думы. Это было связано, как с обстоятельствами военного времени, так и кратковременностью работы ее сессий. Так, депутаты-мусульмане не успели подъехать к началу работы январской сессии 1915 г. Внедумское законодательство, усилившееся в военный период, было негативно воспринято частью либеральных депутатов, что не могло не отразиться на их поведении. Сторонники правых фракций, напротив, использовали данную ситуацию в оправдание своих пропусков.

Полномочия члена Государственной думы прекращались в случае роспуска Думы, смерти, отмены его выборов как незаконных, отставки, утраты российского подданства, утраты ценза, банкротства (кроме несчастного), назначения на гражданскую должность, поступления на военную службу, а с 1908 г. – в случае непосещения общего собрания Думы в течение года без получения отпуска. Во всех этих случаях (кроме роспуска Думы) выбытие депутат констатировалось постановлением Государственной думы.

Случаев отставки уральских депутатов было немного. В 1908 г. добровольно отказался от звания члена Государственной думы Н. В. Терebinский (октябрист, Оренбургская губ.), по состоянию здоровья; в 1909 г. Ю. Ю. Блюменталь (прогрессист, Уфимская губ) – по политическим мотивам. Временно был отстранен, а затем исключен из состава III Думы депутат В. Е. Косоротов за произнесение антиправительственных речей (Уфимская губ.). На заседании III Думы он выступил с осуждением суда над членами социал-демократической фракции Думы, в знак протеста покинул заседание зала³⁷.

Таким образом, правовой статус депутатов Думы Российской империи развивался на основе критической переработки европейского опыта и применения его к специфическим условиям времени. На его содержание оказало определяющее воздействие атмосфера повышенной политической напряженности, стремление к сдерживанию возможных радикальных устремлений и действий депутатов в условиях Первой российской революции. В то же время, он вполне отвечал духу времени и создавал реальные политические и экономические гарантии для выполнения народными представителями своих функций. Об этом свидетельствует, в частности, анализ деятельности уральских депутатов в Государственной думе (1906–1917 гг.). Он позволяет выявить как общие, так и специфические стороны реализации его на практике. Отсутствие опыта народного представительства сказывалось в неготовности депутатов, особенно I и II Дум к выполнению своих функций. Преобладание радикальных настроений в уральском депутатском корпусе, как и в Думе в целом, стремления разрешить все проблемы одним наскоком на правительство, явились убедительным доказательством правоты законодателя, исходившего из ограничительного понимания свободы слова и отказавшегося от введения в российское законодательство института парламентского иммунитета. Утверждение системы вознаграждения (индемнитета) на постоянной основе являлось наиболее демократичным в мировой парламентской практике и свидетельствовало о возможности развития и упро-

---

³⁵ См.: Кравец И. А. Правовой статус «народных представителей» в думский период российской истории (1906 – февраль 1917 г.). С. 208.

³⁶ См.: Демин В. А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 35.

³⁷ См.: III Государственная Дума: Стенографические отчеты. Сессия 1. СПб., 1909. С. 528–529.

чения народного представительства в России. Данное положение следует учитывать при рассмотрении вопроса о прерыве парламентской традиции в России в 1917 г.

Т. А. Долгополова

Иерархия источников права Англии VII–IX веков

Многообразные виды и формы источников права Англии на протяжении веков постепенно складывались в единую уникальную национальную систему.

К концу X в. в Англии сложилась сбалансированная правовая система, закреплённая в правовых документах и защищённая как королевскими указами, так и местными обычаями.

Становление такой системы начинается, скорее всего, с конца VII в., когда появляется Правда Хлотаря и Эдрика. Целью данного сборника было «приумножить право, введенное ранее их предками». В этих законах содержатся не только нормы процессуального характера, но и нормы, регулирующие земельные отношения.

Характеризуя англосаксонское право в целом (периода образования англосаксонских государств), зарубежные юристы, в частности Ф. Либерман, Д. Кембл, А. Бабингтон, Э. Аннерс и Ф. Мэйтланд, придерживаются мнения, что по своей сути оно было германским родоплеменным обычным правом³⁸. По мере завоевания Британии развивался партикуляризм обычного права. Правители каждого территориального объединения были вынуждены подтверждать преемственность основных норм обычного права. С такой точкой зрения исследователей, на наш взгляд, следует согласиться.

В период объединения королевств последовательно были приняты Законы Альфреда, Эдуарда Старшего, Этельстана, Эдмунда, Этельреда II, Кнута, в которых расширяются разделы, регулирующие отношения землевладения, землепользования, распоряжения и наследования земли. При этом заметно возрастает и круг вопросов, разрешаемых тем или иным сводом.

Предполагается, что, следуя сложившейся традиции, англосаксонские правды представляют собой по преимуществу записи обычаев континентального (германского) происхождения. И действительно, следы кельтских правовых порядков в данных правдах отсутствуют. Влияние римского права выразилось довольно слабо. А вот влияние церковного права, проявившееся, например, в признании законной силы за духовными завещаниями (распространявшимися и на земельные держания), оказалось весьма существенным, даже по сравнению с аналогичными континентальными памятниками.

Английские исследователи³⁹ подразделяют все правовые источники англосаксонской эпохи на четыре группы.

Первая группа – это законы и их кодификации, принятые в результате одобрения Витангемота. К ней относятся законы кентских королей, Этельберта. Хлотаря и Эдрика, Уитреда, короля Уэссекса Инэ, Альфреда Великого, Эдварда Старшего, Этельстана, в том числе Судебник города Лондона, Законы Эдмунда, Эдгара, Этельреда II, Кнута, кроме этого договоры: Альфреда с Гутрумом и Эдварда с Гутрумом.

Вторая группа – изложение собранных и принятых обычаев, регулирующих отдельные отношения в различных регионах. Это прежде всего соглашение между англосаксами и уэльсцами – *Dunseatas*, законы Нортумбрийских монастырей, Законы северных людей и отдельные местные обычаи, впоследствии зафиксированные в «Книге Страшного Суда».

Третья группа – частные компиляции (кодификации) ряда правовых норм и королевских предписаний. К этой группе относятся так называемые Законы Кнута, Законы Эдуарда

---

³⁸ См., например: Lieberman F. Die Gesetze der Angelsachsen. Vol. 11. 1902. S. 12–17; Kemble D. Domesday and Beyond. London, 1876. P. 145; Babington A. The Rule of England Law. London, 1978. P. 27; Аннерс Э. История европейского права. М., 1999. С. 101–102; Maitland F. Domesday and Before. London, 1897. P. 65.

³⁹ См. подробнее: Maitland F. Domesday and Before. London, 1921. P. 178, Babington A. The Rule of England Law. P. 29–30.

Исповедника, а также некоторое количество коротких фрагментов и комментариев, подобных «Бракосочетанию» («Wedding of a wife»)⁴⁰, «Присяге»⁴¹, «Ордалиям»⁴², «Королевскому миру», «Сельским повинностям»⁴³, «Полномочиям управляющего «Герефа»»⁴⁴, «О судьях»⁴⁵, «О вергельдах»⁴⁶, в которых подробно раскрываются отдельные правовые аспекты социальных отношений.

Выделяют и четвертую группу, относя к ней многочисленные грамоты англосаксонских королей, которые содержат нормы не только частного права, но затрагивают и публичные интересы⁴⁷. Следует отметить, что самой большой по объему и содержанию и весьма значимой для характеристики земельных отношений является «Книга Страшного Суда».

Древнейшие англосаксонские кодификации, особенно кентские и уэссекские, имеют общие черты с варварскими законами племен, населяющих территорию Центральной Европы – саксов, фризов, тюрингов. Они содержат деление общества на три разряда: эрлы, кэрлы, лэты. Также, как и у германских племен, англосаксонское общество делится на эделингов, фрилингов и лаценов.

Скандинавское нашествие добавило в англосаксонское право обычаи северных народов, особенно в тех районах, которые были заселены датчанами в IX–XI вв.

После нормандского завоевания во второй половине XI в. основным источником права в Англии становятся прецеденты, которые создаются и фиксируются в особых книгах («Свитках тяжб») как результат деятельности королевских судов. Так появляется знаменитое общее право.

Специфика развития права в англосаксонскую эпоху выразилась в системе многообразных источников, в которых отражается неразрывная связь права, экономических отношений, обычаев и социальных характеристик эпохи.

---

⁴⁰ Wedding of a wife. Anglo-Saxon Laws. London, 1890. P. 125–129.

⁴¹ Die Gesetze der Angelsachsen / Liebermann F. Halle, 1898–1916. S. 444–456.

⁴² Там же. S. 395–398.

⁴³ Там же. S. 444–453.

⁴⁴ Там же. S. 435–444.

⁴⁵ Там же. S. 429–432.

⁴⁶ Там же. S. 392–394.

⁴⁷ См.: Maitland F. Domesday and Before. P. 189–190.

Н. С. Сидоренко

**Власть и гражданское общество: проблемы
взаимоотношений в российской провинции
в начале XX в. (на материалах уральских губерний)**

Созидательное и одновременно разрушительное начало революций до сих пор является предметом острых споров и дискуссий, как в отечественной, так и в зарубежной историко-правовой литературе. Неоспоримым является признание того, что без осмысления революционного процесса в России в начале XX в. и усвоения его уроков невозможно создание подлинно демократического общества и правового государства в нашей стране⁴⁸. В сложной системе отношений особое внимание ученых на современном этапе привлекают вопросы взаимодействия властных структур и гражданского общества, причины несостоявшегося диалога⁴⁹. Актуальным является исследование данной проблемы на региональном уровне. Это позволит проанализировать состояние конкретных политических отношений, влияние на них локальных экономических, культурно-исторических факторов. Одним из значимых является уральский регион – крупный культурно-исторический центр страны. В истории революций 1917 г. он занимал особое место.

Развитие гражданского общества на Урале в начале XX в. шло в целом синхронно общероссийскому. На волне общественного подъема в конце XIX века начали формироваться политические партии. Первыми возникли социал-демократические и социал-революционные комитеты и группы, призывавшие к решительной борьбе с капиталистами и царским самодержавием. Массовое создание консервативных и либеральных комитетов произошло в 1906–1907 гг., в период выборов в I и II Государственную Думу, проходивших под воздействием Первой российской революции. По своей численности консервативные и либеральные комитеты практически не уступали своим противникам – революционным комитетам⁵⁰.

В период думской монархии проявилась тенденция к сокращению партийных структур, размыванию умеренного центра. Либерально-монархический лагерь, как целое, проявил тенденцию к вращению, приспособлению к внутривластному курсу правительства. Это отразилось в эволюции организационных структур, в резком сокращении кадетских и октябристских отделов, усилении симпатий в сторону внепартийного «прогрессизма», занимавшего промежуточное положение между октябристами и кадетами. Однако прогрессистские настроения не нашли внешнего выражения в деятельности организованных групп. Наиболее многочисленными оставались ряды уральских правых и леворадикальных комитетов. Но влияние правых в обществе серьезно ослабляла их организационная и идейная разобщенность. Уральская периферия представляла собой конгломерат трех основных партий: Союза русского народа (58 %), Националистического общества (22 %), Русской Народно-монархической пар-

---

⁴⁸ 1917 год в судьбах страны и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997; 1917 год в судьбах страны и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; Read С. From Tsar to Soviets: The Russian People and their Revolution, 1917–1921. L., 1996; и др.

⁴⁹ Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004; Россия в XX веке: Реформы и революции: В 2 т. М., 2003; Власть и оппозиция: Российский политический процесс XX столетия. М., 1995; и др.

⁵⁰ По нашим подсчетам, в начале XX в. на Урале численность право-монархических комитетов достигала 12 тыс. чел., в 1908–1913 гг. – 9 тыс., в 1914 – феврале 1917 гг. – около 1,5 тыс. Либеральных комитетов соответственно: 5,5 тыс., 0,4 тыс. и 0,1 тыс. – См.: Сидоренко Н. С. Монархические партии и промонархические организации Урала в процессе эволюции государственно-политической системы России в начале XX века: Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2005. С. 85–86, 95, 169–170. – Численность леворадикальных комитетов составляла в 1905–1907 гг. – 21,6 тыс., в 1908–1911 гг. – 5,5 тыс., в 1914 – феврале 1917 гг. – около 0,9 тыс. – См.: Нарский И. В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1916 г. Челябинск, 1995. С. 88–89.

тии (15 %) и Русского народного союза им. М. Архангела (5 %)⁵¹. Отношения между ними носили скорее характер соперничества, нежели сотрудничества.

Замедленные темпы социальной и политической дифференциации уральского общества, связанные с особенностями его экономического развития и относительной удаленностью от центра страны, воздействия цензовой избирательной системы обусловили формирование и развитие наряду с партийными формами – внепартийных объединений на сословной, профессиональной, экономической и иной основах. Они содействовали повышению эффективности деятельности партийных комитетов и усилению влияния в обществе. На правом фланге этих объединений лидировали местные отделения Объединенного дворянства, общества трезвости. Умеренный центр представляли религиозные организации и объединения (общества Хоругвеносцев, Ревнителрей православия и др.), либеральный – корпоративные организации торгово-промышленного класса во главе с Советом съездов горнопромышленников Урала и культурно-просветительские объединения местной интеллигенции (Общество любителей естествознания, Кружок граждан, интересующихся городским хозяйством и др.). Леворадикальные комитеты имели прочные позиции в профсоюзных, кооперативных и иных легальных организациях трудящихся классов.

По сравнению с западными губерниями и Сибирью консервативная уральская периферия оказалась более устойчивой. Это было связано с замедленными темпами модернизационных процессов в крае, и как следствие, сохранением, и даже консервацией прежней сословной структуры. Монархическая идея, монархическое сознание оставалось господствующим в массовом сознании, мотивируя социальную активность населения в рассматриваемый период. Все это обусловило широту и устойчивость социальной базы монархических партий и промонархических организаций (типа Союза 17 Октября) на Урале. Их деятельность была направлена на укрепление в сознании населения лояльного отношения к монархии; на убеждение в возможности проведения реформ сверху; осуждении насильственных методов борьбы и поддержании основ существовавшей политической системы. В качестве альтернативы революции ими были предложены практические меры по организации государственной и самопомощи населению в условиях экономической модернизации и усиления социально-экономических противоречий, охвативших Уральский регион в начале XX в.

Следует также отметить влияние политического режима, существенно ограничившего правовые рамки деятельности политических союзов в условиях третьеиюньской монархии. Ограничения касались не только революционных и либеральных, но и консервативных организаций (с целью ослабления их влияния на царя)⁵². Все это, в конечном счете, обусловило то, что на Урале, как и в большинстве других регионов, в февральско-мартовские дни 1917 г. сторонники монархизма не сумели организовать серьезных массовых выступлений в защиту существующей власти.

Падение монархии, запрет деятельности правых организаций со стороны Временного правительства привели к их роспуску. В ряде местные организации перешли на подпольное положение⁵³. В крае начались массовые аресты участников и сторонников правого движения, продолжавшиеся и в период Гражданской войны и иностранной интервенции⁵⁴. Правый спектр политической жизни общества сместился в сторону партии кадетов, восстановившей и частично расширившей свои ряды. Однако им не удалось создать действительно массовых и устойчивых объединений в новых политических условиях. Весной-летом 1917 г.

---

⁵¹ Сидоренко Н. С. Монархические партии... С. 92.

⁵² Кирьянов Ю. И. Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни: причины кризиса и краха // 1917 год в судьбах России и мира... С. 81.

⁵³ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 71. Оп. 35. Д. 1097. Л. 61.

⁵⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2476. Л. 1.

выявлена деятельность 37 комитетов (2 тыс. чел.)⁵⁵. Обострение классовой борьбы осенью 1917 года, принявшей форму гражданской войны фактически прервало партийное строительство. Попытка возобновления работы промонархических организаций имела место с падением власти Советов на Урале и в Сибири в 1918–1919 годах. Однако с разгромом армии Колчака в 1920 г. они окончательно прекратили свою деятельность.

Уход с исторической сцены монархических и промонархических организации на Урале к концу 1917 г. был обусловлен следствием изменения экономических, социальных, политических и психологических основ существования страны и уральского общества.

---

⁵⁵ Гаузова Т. А. Организация буржуазной контрреволюции на Урале в период двоевластия // Классовая борьба на Урале в период двоевластия и утверждения диктатуры пролетариата. Пермь, 1989. С. 58–59.

А. А. Котельников
Судебная система Российской Империи:
проблемы реформирования в середине XIX века

Чертами суда Российской империи являлись множественность судебных органов, сложность и запутанность процессуальных требований, невозможность порой определить круг дел, который должен подлежать рассмотрению того или иного судебного органа⁵⁶. Господствовала розыскная форма судопроизводства: процесс проходил в глубокой тайне, суд решал дело не на основе живого, непосредственного восприятия доказательств, личного ознакомления со всеми материалами дела, непосредственного устного допроса обвиняемого (подсудимого), свидетелей, а опираясь на письменные материалы, полученные во время следствия. Доказательства оценивались по формальной системе. Их сила заранее определялась законом, который устанавливал, что может, а что не может быть доказательством. Закон же устанавливал и степень достоверности допускаемых доказательств, деля их на несовершенные и совершенные, т. е. такие, которые давали основание для окончательного приговора и не могли быть опровергнуты подсудимым. Но и среди них особо выделялось признание.

В середине XIX в. судебная система Российской империи подверглась реформированию⁵⁷

---

⁵⁶ См.: Кони А. Ф. История развития уголовного процессуального законодательства в России // Кони А. Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 4. М., 1967; Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. 2. СПб., 1903; Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1910. Ч. IV. Гл. 1; Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судостроительство. Судопроизводство. СПб., 1892; Сперанский М. М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России: Проекты и записки. М., 1961. С. 95–144; Фойницкий Н. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1884; и др.

⁵⁷ Материалы по судебной реформе в России: В 74 т. СПб., 1864;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.